

Идеология и прагматизм в налаживании и укреплении китайско-американских связей

© 2019

А.С. Давыдов

В статье представлен обзор основных этапов сближения КНР и США и налаживания отношений между двумя странами после многолетнего отчуждения и вражды. Предпринята попытка анализа соотношения прагматических и идеологических мотивировок в процессе этого сближения, завершившегося в 1979 году установлением дипломатических отношений Соединенных Штатов Америки с Китайской Народной Республикой. Охарактеризованы основные причины американо-китайских разногласий на современном этапе. Кратко анализируются перспективы будущего развития взаимоотношений двух стран.

Ключевые слова: *США, Китай, прагматизм, идеология, дипломатические отношения, двусторонние связи, перспективы развития.*

DOI: 10.31857/S013128120004636-0

В КНР не устают повторять на всех уровнях, вплоть до самых высоких, что китайско-американские отношения не только важнейшие для Китая, но самые главные взаимоотношения в мире.

Сегодняшней молодежи и людям среднего возраста непросто осознать, что еще четыре с лишним десятилетия назад — срок по историческим меркам совсем незначительный — между двумя этими странами не только отсутствовали нормальные дипломатические связи, но они остро и яростно враждовали друг с другом.

А в пору той вражды еще труднее было представить себе, что через короткий временной промежуток коммунистический Китай, только вчера исторгавший в собственных СМИ гнев и ненависть к «кровавому оплоту империализма», перестанет осыпать США угрозами и оскорблениями, заявлять о «непримиримых идейно-политических расхождениях» с «бумажным тигром», а начнет искать американского расположения и благосклонности, демонстрируя виртуозное владение приемами прагматизма.

Впрочем, сам процесс постепенного смягчения напряженности, последовательного устранения препятствий с целью последующего восстановления и нормализации взаимоотношений двух крупных мировых держав — явление исключительно позитивное при условии, что от этого не пострадают другие страны.

Любопытную оценку развития китайско-американских отношений «в исторической перспективе» дал директор Института международных отношений университета «Хуацяо» профессор Линь Хуньюй¹, отметивший, что «качественные изменения» в отношениях КНР и США случались именно тогда, «когда сам Китай развивался и переживал изменения». Так, по его утверждению, «разбить лед» в отношениях с Америкой в 1972 г.

Давыдов Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: davydov@ifes-ras.ru.

удалось благодаря тому, что «в 1969 г. Китай подал **позитивный сигнал** о желании улучшить китайско-американские отношения».

Что это был за «сигнал», догадаться нетрудно. В марте того года, полвека назад и ровно за 10 лет до установления дипотношений с США, тогдашние китайские руководители поступили коварно и преступно, учинив серию провокаций с засадой советским пограничникам на острове Даманский. Интересно, что за пять лет до этого, разоткровенничавшись с северокорейским лидером Ким Ир Сенем, Мао Цзэдун признавался, что не исключает войны с СССР, и Китай будет готовиться к ней.

Незадолго до провокаций, 25 января 1969 г. командование военного округа граничащей с территорией СССР провинции Хэйлунцзян представило в центр план ведения военной кампании, который одобрил генштаб НОАК, отправивший в войска директиву о подготовке боевых действий. Таким образом, доведя отношения с Советским Союзом до военного противоборства, Китай «просигналил» США о готовности наладить с ними контакты.

Еще один «позитивный» сигнал о желании закрепить это взаимодействие, установив полноценные дипломатические отношения, КНР, по утверждению Линь Хунъюя, якобы подала Вашингтону в 1978 г. запуском «масштабной политики реформ и открытости», что неудивительно: для «масштабных реформ» понадобились масштабные вливания ресурсов и передовые технологии, которые можно было получить только в США.

Дополнительным сигналом Америке, о котором китайский эксперт, однако, предпочел умолчать, была развязанная Пекином почти одновременно с началом реформы война против своего недавнего союзника Вьетнама, незадолго до этого одержавшего победу над американскими агрессорами.

Хотя прагматизм и здоровый цинизм сами по себе не являются, на наш взгляд, предосудительными и порочными чертами проводимой государством внешней политики, обидно, недостойно и недопустимо, когда они приводят к вероломному предательству прежних союзов и интересов и нарушению достигнутых договоренностей. Это и произошло при налаживании китайско-американских связей: перейдя от враждебности к сближению с Вашингтоном, Пекин проделал обратную эволюцию в отношениях с Москвой.

В результате, отбросив лишние и уже ненужные более сантименты, Китай твердо встал на путь «баланса сил», знакомый еще с древних времен, когда в противостоянии с более сильными соперниками ему часто приходилось сталкивать их друг с другом. Выиграв от советско-американского противоборства, Пекин, который зарекался в дальнейшем от вступления с кем-либо в союзы и коалиции, невероятно усилился и окреп в экономическом и стратегическом плане, оттеснив нашу страну с позиции второй державы мира.

Что бы ни говорили некоторые политики, политологи или историки, им будет трудно аргументированно опровергнуть утверждение, что **американо-китайское сближение в начале 1970-х годов произошло на антисоветской почве**. К сложившейся тогда «треугольной» конфигурации во взаимоотношениях КНР, США и СССР лучше всего подошел бы известный афоризм У. Черчилля о том, что в политике не бывает постоянных друзей или врагов, а существуют лишь постоянные интересы.

Но возникают неизбежные вопросы. Так ли легко и просто шел процесс превращения двух великих мировых держав, еще недавно враждовавших на политико-идеологической и классовой почве, из недругов в «почти друзей»? И носил ли он чисто конъюнктурный характер или имел под собой некую практическую основу, покоившуюся на обоюдной заинтересованности в чем-то большем, нежели тривиальный сговор двух против третьего?

За семь десятилетий с момента образования КНР американо-китайские отношения прошли весьма сложный и тернистый путь. Претерпевая резкие изломы, переживая взлеты и падения, они отличались необычайной зигзагообразностью. Во многом это объяснялось тем, что в политике США в отношении КНР постоянно присутствовали как

идеологическая, так и геополитическая составляющие, порою диктовавшие американцам весьма разнонаправленные и далеко не всегда совместимые стратегические решения.

Это происходило потому, что соображения прагматизма, как правило, заставляли Вашингтон искать и добиваться взаимопонимания с идеологически чуждым ему руководством коммунистического Китая по поводу общности угроз американским и китайским интересам со стороны так называемых третьих сил. Идеологический аспект американского курса в отношении КНР, напротив, предусматривал комплекс мер, как мирных, так и насильственных, для отстранения компартии от власти и перевода развития Китая на рельсы либеральной рыночной экономики и демократии западного образца.

Такая противоречивость, базировавшаяся на эклектизме и политической конъюнктурности, постоянная необходимость для США добиваться при формировании своего китайского курса совмещения несовместимого объяснялись, с одной стороны, ростом авторитета, влияния и могущества Китая на мировой арене и превращением его в новых условиях в основного геополитического соперника Соединенных Штатов.

С другой стороны, это являлось отражением постоянно меняющегося соотношения сил и варьирования концептуальных подходов к КНР среди либералов и консерваторов в вашингтонских коридорах власти, а также особых интересов промышленно-финансовых, торгово-экономических, военных и других формирующих политику США кругов.

Не исключено, что определенную помощь в налаживании отношений между капиталистической Америкой и китайскими коммунистами оказал накопленный в 1940-е годы опыт взаимодействия с Мао Цзэдуном американской военной миссии «Дикси» в ходе антияпонской войны.

Что касается Китая, то там переход к осуществлению «особого курса» на международной арене, обозначивший разрыв союзнических связей с социалистическим сотрудничеством во главе с СССР, занял практически целое десятилетие и происходил одновременно с перераспределением соотношения сил в западном мире.

Взяв за основу возникшие на Западе в 1960-е годы противоречия, обусловленные попытками Франции Де Голля проводить самостоятельную политику ограждения Европы от слишком активного американского вмешательства и усилением экономической мощи и роли ФРГ в мире, китайские руководители сконструировали теорию «промежуточных зон», призванную оправдать сближение КНР с Западной Европой и Японией и противопоставить их двум «сверхдержавам» — СССР и США, боровшимся, как утверждалось, за «мировую гегемонию».

Расчет строился не только на провоцировании конфронтации между самими «сверхдержавами», но на активизации борьбы против них более бедных развивающихся стран. Следствием провала этих попыток стал отход от доктрины «антиамериканизма» и переход от стратегии «удара двумя кулаками» к смягчению отношений со Штатами и усилению противостояния с Советским Союзом.

В дальнейшем процесс налаживания отношений США и КНР в 1970-е годы не случайно развивался на фоне позитивных сдвигов в международной обстановке. Разрядка между Востоком и Западом осуществилась лишь тогда, когда США стали принимать во внимание реальное соотношение сил в мире, в том числе в Азии, особенно четко обозначившееся в ходе безуспешной для американцев вьетнамской войны. В этих условиях длительное непризнание КНР — одной из крупнейших азиатских и мировых держав — было совершенно ненормальным явлением и не соответствовало более интересам Америки. Отсутствие связей с континентальным Китаем не только затрудняло нормализацию отношений, но и решение с ним спорных проблем, создавая дополнительные сложности для политики США в АТР.

К тому же, по замыслу «главного архитектора» новой китайской политики Вашингтона Г. Киссинджера, сближение с КНР давало в руки американцам беспроигрыш-

ный козырь в противостоянии главному стратегическому сопернику — СССР, заставляя его быть более сговорчивым и уступчивым.

И действительно, когда во второй половине 1970-х годов в США стали брать верх настроения в пользу отхода от разрядки и возвращения к жесткой политике в отношении Советского Союза, выражавшейся в ориентации на достижение военно-стратегического превосходства, американские противники разрядки обратились к «китайскому фактору».

С особой отчетливостью эта тенденция проявилась во время пребывания у власти в 1977–1981 гг. администрации демократов во главе с Дж. Картером. Ставший его советником по вопросам национальной безопасности ярый русофоб З. Бжезинский полагал, что в ущерб интересам СССР на международной арене необходимо максимально использовать все имеющиеся в распоряжении антисоветские резервы, включая «фактор Китая». При этом не возбранялись серьезные уступки со стороны США идеологически и политически враждебному Пекину, что способствовало в перспективе трансформации отношений Америки с Китаем в связи, близкие к союзническим.

По расчетам сторонников установления партнерства и союзничества с Пекином Китай годился для таких отношений потому, что:

- его руководство занимало непримиримую позицию по отношению к СССР и другим странам социалистического содружества;
- в силу тогдашней слабости своей экономики КНР не являлась серьезным конкурентом для США и других западных стран на мировом рынке;
- политика Китая в отношении ряда азиатских государств, в том числе Индии, Вьетнама, Кампучии, создавала обстановку политической нестабильности в регионе и позволяла Америке извлекать из этого определенные выгоды.

Подход Бжезинского к проблеме американско-китайских отношений разделяли представители Пентагона, «склонные рассматривать отношения с КНР в плоскости американо-советского стратегического соперничества»².

В мае 1977 г. президент Картер заявил, что считает американско-китайские отношения центральным элементом внешней политики США, а Китай — ключевой силой в глобальном масштабе. И уже в 1978 г. контакты двух стран вышли на заключительный этап установления дипломатических отношений. Главным направлением американских усилий в тот период стала активизация стратегического, военно-политического, экономического и научно-технического сотрудничества с КНР.

Соглашения об установлении дипотношений оказалось возможным достигнуть на основе взаимных компромиссов. США разорвали дипломатические отношения с тайваньским режимом, денонсировав с ним договор о взаимной обороне, согласились вывести с острова свой военный контингент, демонтировать военные сооружения и, в отличие от формулировок «шанхайского коммюнике», уступили требованиям КНР о разрыве политических и военных связей с Тайванем. Китай, со своей стороны, фактически признал за США право поддерживать с тайваньской администрацией неофициальные торговые, культурные, научные и прочие связи, а также возобновить после годичного перерыва продажу американского оружия на Тайвань.

Устанавливая дипломатические отношения с Пекином, в Вашингтоне, помимо расширения контактов, ускорения развития торгово-экономических и научно-технических связей, рассчитывали, что удастся втянуть КНР в отношения военно-политического характера. Концепции «стратегического усиления» Китая, «стратегического партнерства», «особых партнерских уз» исходили из необходимости военного укрепления КНР странами Западной Европы и США с целью заставить СССР действовать на «два фронта». Они подкреплялись геополитической по характеру мотивировкой Китая отказаться от принципов марксизма и принять на вооружение концепцию «патриотизма», через призму которой в США рассматривалось вторжение КНР во Вьетнам.

Таким образом, при администрации Картера американско-китайским отношениям были приданы новые импульсы, основная особенность которых состояла в том, что развитие событий по линиям США — КНР и США — СССР пошло в противоположных направлениях. Укрепляя отношения с Китаем на основе антисоветизма, вашингтонская администрация стремилась при этом обходить проблемы, по которым у нее сохранялись противоречия с самим Китаем (это, прежде всего, касалось вопроса о Тайване).

Однако американско-китайский альянс так и не стал формальным военно-политическим союзом и не принял форму реального блокирования США и Китая на практической основе. Полноформатное становление американско-китайских «особых отношений» не состоялось по ряду причин, видное место среди которых занимали объективные противоречия между интересами США и КНР на международной арене, конечная несовместимость их глобальных политических устремлений. Эклектичность китайской политики США, отражавшая соотношение сил и перипетии борьбы в вашингтонских коридорах власти между представителями консервативного и либерального направлений американского истеблишмента, определила неустойчивость развития американско-китайских отношений на протяжении двух последних десятилетий XX века.

Принеся человечеству неисчислимы бедствия и трагические испытания — две разрушительные мировые войны, череду социальных потрясений и национальных революций, гражданских противоборств и внутренних конфликтов, глобальное противостояние двух общественно-политических систем, — XX век ознаменовал свое окончание завершением эпохи идеологической конфронтации в сфере международных отношений, которые после распада СССР перестали быть ареной противоборства двух глобальных антагонистов — социализма и капитализма.

В новом, XXI столетии классово-идеологический фактор утратил ведущую роль в международной жизни, уступив приоритетное место экономическим, геополитическим, демографическим, экологическим, правовым, религиозным и другим существенным факторам. Одновременно отношения между КНР и США стали все явственнее играть ключевую роль в развитии глобальной политико-экономической ситуации.

Возникновение единой всемирной экономической системы, тесное и непрерывное взаимодействие континентальных рынков, развитие средств коммуникации, создание мировой компьютерной сети Интернет заставили говорить о наступлении эпохи глобализации, содействующей стремительному росту материальных ресурсов и еще большему ускорению технологического прогресса.

По утверждению Г. Киссинджера, именно американская производительность труда стала «движителем мирового экономического роста; при участии американского капитала возникло множество поражающих воображение новых технологий, которые он же широко распространил по всему миру; американская предприимчивость сформировала широкие рынки и породила стандарты личного потребления, которые в предшествующие века были доступны только самым богатым людям»³.

Хотя можно оспаривать вывод Киссинджера о том, что «успеху глобализации сопутствовало принятие американской рыночной модели экономики в большинстве регионов мира», вполне очевидно, что в какую бы словесную оболочку не облакалось наименование этой модели в Китае, он также стал ориентироваться на нее.

Потребности внутреннего развития побудили руководство КНР пересмотреть приоритеты отношений Китая с США и нацелить их в направлении значительного увеличения роли экономических связей, которые стали играть превалирующую роль в комплексе двусторонних контактов. Для КНР они превратились в гарантию стабильного инвестиционного климата и притока современных технологий, и возникновение серьезной напряженности в отношениях между двумя странами неизбежно привело бы к сокращению, если не прекращению инвестиционных потоков, закрытию доступа к американским технологиям и наукоемкой продукции, а также к американскому рынку.

США в своем подходе к отношениям с Китаем исходили в начале XXI столетия как из экономических, так и из политико-идеологических соображений. Чисто прагматические расчеты предполагали, что Вашингтон устроил бы сценарий, при котором КНР удалось бы решить свои экономические и политические проблемы. При этом США ни в коем случае не были заинтересованы в сильном, обладающем мощным ядерным потенциалом Китае, проводящем курс, противоречащий американским интересам.

В то же время стабильный и предсказуемый Китай, открытый для торговли и диалога, был бы куда более приемлемым для Вашингтона, чем страна, погрязшая в непрерывном экономическом кризисе и раздираемая социальными противоречиями. Крах рыночных тенденций в китайской экономике привел бы к укреплению враждебной для США коммунистической идеологии, тоталитаризма и антиамериканизма, прямым следствием чего могло бы стать усиление военного противостояния двух стран.

Даже нормализовав в 1972 г. межгосударственные отношения с Пекином, Вашингтон сохранил идеологическую нетерпимость и стратегические цели политики по отношению к КНР, которые в конечном итоге состоят в замене социального строя и политической системы в ней и утверждении благоприятного для США режима.

Прямую угрозу своим интересам Америка видела в том, что бедная в недавнем прошлом, полузависимая страна превратилась в гиганта, вступившего в XXI век с потенциалом развития, могущим поставить под вопрос способность США удержать мировое первенство, в эффективного конкурента и опасного потенциального противника. Это обстоятельство, отягченное негативными явлениями в истории взаимоотношений двух стран, социальными различиями и идеологической нетерпимостью со стороны США, никуда не исчезло и сохранилось в качестве одной из первопричин накопления конфликтного потенциала в отношениях между двумя державами.

По утверждению некоторых американских политологов, «внутри стратегического сообщества США существует группа, которая полагает, что Соединенные Штаты должны предотвратить превращение Китая в мировую державу, стимулируя внутренние противоречия, и, если это не поможет, прибегнуть к превентивной войне»⁴.

Для Китая, учитывая его планы модернизации, рассчитанные на всю первую половину нынешнего столетия, преждевременное обострение конфликта с США могло обернуться катастрофой, способной отбросить развитие страны на исходные позиции.

Для оценки геополитической ситуации важно учитывать, что успехи в экономическом строительстве позволяли Китаю модернизировать без перенапряжения экономики и финансов свои вооруженные силы, которые уже способны были адекватным образом реагировать на военные угрозы современного типа. Как мировая держава, Китай переходил от забот о региональных проблемах на новый уровень международной ответственности, соответствующий масштабам политических, экономических и военных средств воздействия на ситуацию, складывающуюся в мире.

Китайские специалисты-международники до недавних пор характеризовали китайско-американские отношения как «сочетание сотрудничества и конкуренции», подчеркивая, что речь идет об «обычной межгосударственной конкуренции, а не о конфронтации и, тем более, не о повороте к войне», а «главным течением остается сотрудничество»⁵. При этом Китай никогда не соглашался играть роль младшего партнера Вашингтона.

Климат в отношениях двух стран начал постепенно меняться к худшему с приходом в январе 2017 г. в Белый дом президента-республиканца Дональда Трампа. Провозглашенное им в ходе избирательной кампании намерение «возродить величие Америки», причем на новой, «более крепкой основе», не могло не отразиться на характере взаимоотношений США и КНР.

К набору прежних противоречий в отношениях Вашингтона и Пекина добавилось еще одно, пожалуй, самое неприятное для Америки. Ставший второй, а по отдельным показателям уже первой экономикой мира, Китай активизировал участие в глобаль-

ном управлении, расширив его сферы с экономической и гуманитарной на область безопасности и заявив таким образом о претензии на роль одного из универсальных глобальных лидеров.

Сама мысль о возможности доминирования китайцев в тех зонах, где новая администрация США рассчитывала диктовать свою волю и правила игры, включая, в первую очередь, Азиатско-Тихоокеанский регион, была для команды Трампа недопустимой. Потеря этого региона означала бы для Америки утрату плацдарма, подкрепляющего фундамент ее глобального лидерства.

Помимо этого, в финансово-экономической сфере в вину Пекину вменялись: манипулирование курсом юаня; товарный демпинг, ведущий к развалу американской промышленности; введение противоречащих правилам ВТО ограничений на торговлю с США; модернизация китайских военных объектов за счет кражи американских технологий, хакерских атак и шпионажа; требование Китая о доступе к новым технологиям США в обмен на американское присутствие на его рынках и пр.

После принятия 18 декабря 2017 г. новой американской «Стратегии национальной безопасности» отношения США с Китаем фактически официально приобрели статус сопернических, поскольку, согласно этому документу, Китай бросил вызов влиянию и интересам Америки с целью подорвать ее национальную безопасность и процветание. В апреле 2018 г. в торгово-экономических отношениях США и КНР возник очередной острый конфликт: в ответ на введение американской стороной пошлин на импорт стали и алюминия министерство финансов Китая ввело ответные пошлины на более чем 100 видов американской продукции. В июне Трамп объявил о введении 25-процентной пошлины на импорт из КНР высокотехнологичной продукции. Все эти взаимные выпады были наречены наблюдателями «американо-китайской торговой войной».

Однако эта «торговая война» по сути явилась началом схватки за изменение и обновление существующего миропорядка. Демонстрируя неукротимое желание перехода из статуса региональной в статус глобальной державы, Пекин, искони опирающийся на известный и практикуемый им принцип китаецентризма, решил, что время пребывания «в тени», согласно завету Дэн Сяопина, осталось позади, а силы, резервы и возможности таковы, что дают право громко заявить о претензии на ведущую державную роль.

Осознавая мощь, накопленную Китаем, рост его глобального влияния и амбиций, одним из инструментов которых в США считают пекинский замысел «пояса и пути», способный, по мнению Вашингтона, при необходимости вместе с торгово-экономическим получить и военно-стратегическое наполнение, Америка решила «притормозить» продвижение КНР к «вершине мира», где, по образному выражению политолога Майкла Пиллсбери, «должно сиять лишь одно солнце».

В этих целях Д. Трамп пытается освоить на практике собственноручную универсальную технологию «укрощения» диктаторов (Ким Чен Ын) и иных авторитарных лидеров (Путин и Си Цзиньпин), суть которой состоит в попеременном словесном восхвалении их с последующим наложением на страны, которые они возглавляют, жестких экономических или политических санкций.

Санкционный режим, предполагающий уступки с противостоящей стороны, не сработал пока относительно эффективно лишь в случае с Россией. Под нажимом Трампа КНДР ввела мораторий на ядерные и ракетные испытания, а Китай пошел на компромиссы в торгово-экономической сфере. И этому есть свои причины.

Хотя сегодня в основе американо-китайских связей по-прежнему главенствует экономическая составляющая, а взаимоотношения двух стран сильно осложнены и развиваются с серьезными перепадами, скрепы взаимного магнетизма, формировавшиеся между ними десятилетиями и покоящиеся, помимо торговли и экономики, на исторической, культурной и научно-образовательной базе, а также на этнических и общинных

связях, контактах между людьми, остаются гораздо более прочными, чем узы, которые существуют между Америкой и Россией.

А нынешнее соперничество между США и Китаем, уже выходящее за рамки чисто экономического, пока еще не достигло стадии, когда война становится единственным аргументом и способом разрешения спора. В потенциале конфликт КНР с США не исключен, но на данном временном этапе американская сторона усматривает в нем, несмотря на разглагольствования пропаганды, меньшую военную опасность, чем в противостоянии с Россией.

Думается, и Китай отдаст себе отчет в нынешних военно-стратегических преимуществах США, обусловленных технологически совершенным арсеналом всевозможных видов вооружений, наличием оснащенных современными боевыми средствами союзников в Азии и Европе, выгодным передовым базированием американских войск и мощнейшими военно-морскими силами Америки, которым доступны все океанские широты.

Будущее американо-китайских отношений определит в конечном итоге ход развития политических и экономических реформ в КНР, ибо только от него будет окончательно зависеть реальное место, которое займет Китай в современном мире.

-
1. Китай. 2019. № 1. С. 4.
  2. *Vance C.* Hard Choices: Critical Years in America's Foreign Policy. N.Y.: Simon and Schuster, 1983. P. 76.
  3. *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2002. С. 235.
  4. Независимая газета (Сценарии). 1998. № 12.
  5. Сяньдай гоцзи гуаньси. 2002. № 1–2. С. 93.